

Рис. 2. Роман Т. Мюгге «Афрайя — герой лапландцев» в переводе О. И. Роговой. Фронтиспис работы неизвестного художника (СПб., Издательство А. Ф. Девриена, 1886)

* * *

Ольга Ильинична Рогова (Шмидт-Москвитинова)
ЛЕКЦИИ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ²

Лекция VII

Когда появилась у нас в России детская литература? Существует мнение, что своей собственной оригинальной литературы, той жизненной литературы, основанной на народном духе и народном творчестве, которая характеризует народ зрелый, вполне сложившийся в своих воззрениях на воспитание подрастающих поколений, такой литературы у нас нет еще и теперь; что мы воспитываем еще и теперь наше юношество на подделках и переделках чуждых нам литератур, вносим в свою воспитательную систему всевозможные подражания европейским образцам, не заботясь о том, как они к нам привьются. Отчасти этот упрек не лишен основания: мы, действительно, слишком многое заимствуем и слишком с большим пренебрежением относимся к своему родному. Стоит только вспомнить, сколько у нас в детской литературе английского, французского,

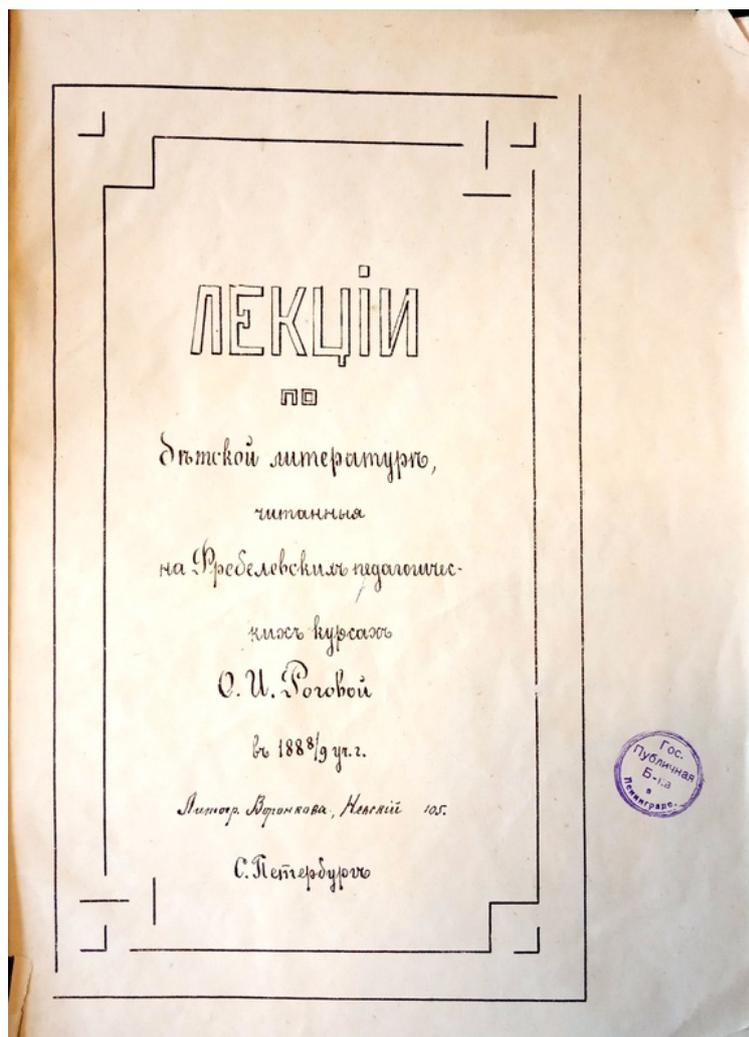

Рис. 3. Фрагмент из рукописного сборника О. И. Роговой «Лекции по детской литературе» (СПб., Литография Воронкова, 1889)

немецкого, американского, древне-классического, даже индийского или вообще восточного, и как мало разработано, хотя бы, например, древне-былевого материала, народно-исторического, бытового. Но из этого отнюдь не следует заключать, что между всем этим навеянным, наносным не пробивалась и не пробивается живая, здоровая струя чисто русской поэзии, стремящаяся внести в область детской литературы свое, родное, близкое (Рис. 3).

Где искать начала этой струи? Вопрос довольно трудный, так как до Петра в XVII столетии литература, вообще, носила характер духовный, а в начале XVIII века, в эпоху Петра, она имела в виду главным образом взрослых, которых в большей части случаев надо было еще приохотить к науке. Очевидно, что в то время, когда только еще зарождалась литература взрослых, когда и она

еще имела характер наносной, пересаженный извне, трудно искать намеков на детское чтение, хотя, конечно, попытки приучать к чтению детей несомненно были. Что общий характер образованности, заимствованной у Европы, отразился и на зарождавшейся детской литературе, в том можно убедиться, просматривая те скудные материалы, какие доставляет нам эпоха, непосредственно следовавшая за преобразованиями Петра. Перед нами, например, многотомная компиляция, по-видимому (судя по картинам) иностранного происхождения: «Зрелище природы и художеств» (1784–89 годов)³ издание Императорской Академии Наук. Спешим оговориться, что в эту отдаленную эпоху нам нельзя отделять литературы детской от литературы взрослых: описываемое «Зрелище», очевидно, предназначалось и для тех, и для других. Вообще, скудость литературных произведений поневоле заставляла в первый период светской литературы давать детям в руки те же книжки, какие читали и взрослые, а распушенность нравов французского цивилизованного общества, занесенная к нам в начале XVIII-го столетия, настолько спутала понятия о том, что нравственно и что безнравственно, что детям беспрепятственно попадали в руки и Жанлис, и Мармонтель, и Мейснер, и Геснер⁴, писатели сентиментально-романтического периода, господствовавшего тогда в Европе. Такое положение вещей достаточно объясняет существование книжек, подобных «Зрелищу». Книжка эта представляет множество изображений, для того времени, довольно отчетливо исполненных и взятых, очевидно, с иностранных клише. Нам теперь могут показаться смешными эти рыбы с неуклюжими носами, эти лягушки, похожие на поросят, этот источник с изображенною подле него парочкою влюбленных, эта сказочная семиглавая гидра, попавшая туда же в зрелище природы, эта ехидна, мясо которой, по мнению автора, служит к очищению крови, к излечению проказы, чахотки, зоба, лихорадок и других болезней; но мы не должны забывать, что сто лет тому назад самая наука носила еще полуэкспериментальный, полусуеверный характер, мудрено ли, что и популяризация ее занималась гидрами, талисманами, чином семейным, театральными представлениями, шпажным поединщиком и т. д. Для нас особый интерес представляет этот космос восемнадцатая столетия: он рисует нам все мирозерцание того времени, наивное, простодушное, исполненное самых элементарных понятий, научных, общественных, нравственных. Чего, чего тут нет: и паукообразный рак, и лед, и искусство плавать, и тарантула или земляной паук, и бочар, и отголосок, и звезды блудящие, и сельская жизнь, и кораблекрушение, и тенные

обличья, и сировоспитательный дом, и панцирные звери, и деланные цветы, и карты игральные, и продавец благовонных вещей, и колосс Родосский, и позорища, и поединки, и моровая язва, и ландкарты, и монархия, и стихотворство, и университет, и бани, и студент, и чеботарь, и все это объясняется, описывается, живописуется с самою добросовестною тщательностью. Но не одно только «зрелище природы» попадало в руки детям; и самые буквари даже еще в начале XIX-го века носили характер учебников для взрослых, хотя по ним учились и дети. «Азбука» Волынского может служить подобным образчиком. Она называется: «Российское чтение, содержащее в себе отборные прозы и стихи для чтения и переводов; трудами и попечением издал Волынский, титулярный советник. В С.-Петербурге. В типографии Иос. Ианнесова 1816 года».

Судя по заглавию можно себе представить, что эта книга для чтения после азбуки, но прежде таких книг не было; первая и последняя книга для чтения (в смысле классного руководства) была букварь; научившиеся же читать прямо отсылались к скудной в то время, по большей части переводной литературе, так как главным образом это и были не дети, подростки, Митрофаны, искусившиеся жизнью раньше, чем плодами науки. Вот почему и «Российское чтение» начинается с букваря, складов, заключающих в себе правила нравственности. Связный текст начинается с краткого христианского учения, после чего следуют мнения (тоже нравственные) древних писателей, примеры нравственной философии, догматические примеры нравственной философии, правила, какие нужно соблюдать при письме, прописи, потом опять нравоучения о законах, о великодушии, о наказании и т. д. Далее мы читаем пословицы разных народов, загадки, заповеди (десятисловие), молитвы, опять наставления в письме, письменная азбука трех языков и наконец, часть II-я — одно чтение. Наряду с повестями исторического содержания тут помещены и статьи обиходные, о российской монете, о народосчислении, о повинности, и хвала Екатерине, и греческая повесть Калисфон и, наконец, сцена из большого света с баронами, баронессами, камер-юнкерами, графами, любовниками, ревностью, дуэлями, житьем с мужем на разных половинах и тому подобным странным для послеазбучного чтения материалом. Стихотворный отдел состоит почти исключительно из од Ломоносова и начала поэмы Богдановича «Душенька»; кроме того есть несколько басен и сатир. Материал этот достаточно характеризует ту эпоху, когда дети, выходя из-под опеки дядек, нянек и мамок, считались вступающими в свет и сразу погружались в сентиментально-вычурную

салонную жизнь, перенесенную к нам целиком из французского двора. Что это было так, мы видим из повести «Большой свет в уменьшенном виде», помещенной журнале «Детский собеседник», выходившем уже в первой половине XIX-го столетия. Тут мы видим молоденьких тринадцатилетних барышень и кавалеров, покупающих модные шляпки, задающих *soirées*⁵ для подростков, пишущих на французском языке, сочиняющих басни и похвальные стишки, едущих для приличия во французский пансион, возбуждающих соревнование в своих сверстницах, блистающих на балах, играющих в шарады и проч. Этим юным светским людям прислуживают лакеи, для них подают мороженое и шоколад, а взрослые забавляются этой комедией. С другой стороны, повесть знакомит нас и с деревенскими благоразумными молодыми людьми девяти–двенадцати лет. Десятилетний мальчик остается хозяйничать за мать, уехавшую на несколько дней в гости. Он получает ключи от кладовых, выдает провизию, распоряжается дворовыми, заказывает обед: этот же мальчик года через два уже вполне заменяет матери помощника. По приезде в город мать поручает ему смотреть за распаковкою вещей, и он вполне удачно справляется с возложенною на него обязанностью.

Итак, в первый период зарождения у нас детской литературы, эта литература имела характер случайный; дети читали то же, что и взрослые, да и считались полувзрослыми, как только осиливали первые шаги грамоты. Дальнейшее образование уже давалось больше для лоска, рядом же с этим образованием открывался доступ к наносной литературе запада, где господствовал в описываемую эпоху сентиментализм на ложноклассической подкладке. Повести Жанлис, Мармонтеля, Геснера, Мейснера (годы 1750 — 1820) в переводе Карамзина, Подшивалова, Тимковского⁶, более полу столетия питали наше российское юношество и прививали к приобретенным уже в девичьей и людской познаниям новые, сентиментально подслащенные познания в любви и ее обширных проявлениях. Если лубочная литература того времени давала Францыль-Венецинов, Английских милордов, Гуаков и т. п., материал, напоминающий рассказы Боккаччо своею откровенною нескромностью, то и повести упомянутых французских и немецких писателей вносили тоже вредный растлевающий элемент в молодую душу; в каждой почти повести указанных нами авторов, кого-нибудь лишают невинности, кто-нибудь сгорает ревностью вследствие измены любовника или любовницы, кого-нибудь убивают на дуэли за связь с несвободною женщиною, и все это описывается вполне откровенно, со всевоз-

можными подчеркиваниями и даже без особенных намеков, прямо, как будто вполне обыкновенное и повседневное. Очевидно, что этот угар внешне привитой образованности мог затмить умы ненадолго. Лучшие люди того времени не могли не видеть всей нелепости такого воспитания, тем более, что, знакомясь с европейской образованностью, они не могли не встречаться и с существовавшими в Европе системами воспитания. Воспитательные идеалы XVIII века, идеи Локка, Жан-Жака Руссо, Песталоцци, не могли не коснуться и нас русских. Уже век Екатерины, т. е. вторая половина XVIII столетия, пытается насадить эти идеи в России, применить их к воспитанию русского юношества. Мысли о воспитании, выраженные Екатериною и ее сподвижником Бецким в «Наказе» Императрицы⁷, в «Докладе 1764 г.» Бецкого⁸, в его же рассуждениях, служащих руководством к новому уставу сухопутного кадетского корпуса (1766), в кратком наставлении о воспитании детей от рождения их до юношества (1766) и в генеральном плане воспитательного дома (1763–1767) — мысли эти представляют собой выражение существовавших тогда в европейских обществах новых взглядов на воспитание. Сущность этих взглядов сводилась к тому, чтобы спасти юношество от пагубного влияния испорченной семьи; для того предполагалось учредить закрытые заведения, где бы дети находились под непосредственным влиянием разумных и опытных воспитателей, от 4 лет до 18–20-летнего возраста. Самая система воспитания была построена на широких основаниях нравственного развития, в связи с развитием телесным и умственным. Воспитание это, говоря словами Наказа, должно было: «вселять в юношество страх Божий, утверждать оныя сердца в похвальных склонностях, приучать их к основательным и приличным их состояниям правилам, возбуждать в них охоту к трудолюбию, чтобы они страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения, научать пристойно в делах и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастных, отвращению от всяких дерзостей; обучать домостроительству, отвращать от мотовства, вкоренять склонность к опрятности и чистоте, одним словом — наставлять всем добродетелям и качествам, которые образуют прямых граждан, полезных обществу членов, служащих ему украшением» (Рис. 4).

Само собою разумеется, что этот наплыв новых идей должен был совершенно изменить и самые способы преподавания и воспитания: затверживание наизусть заменено свободною дружескою беседою воспитателя, телесные наказания — нравственным воздей-

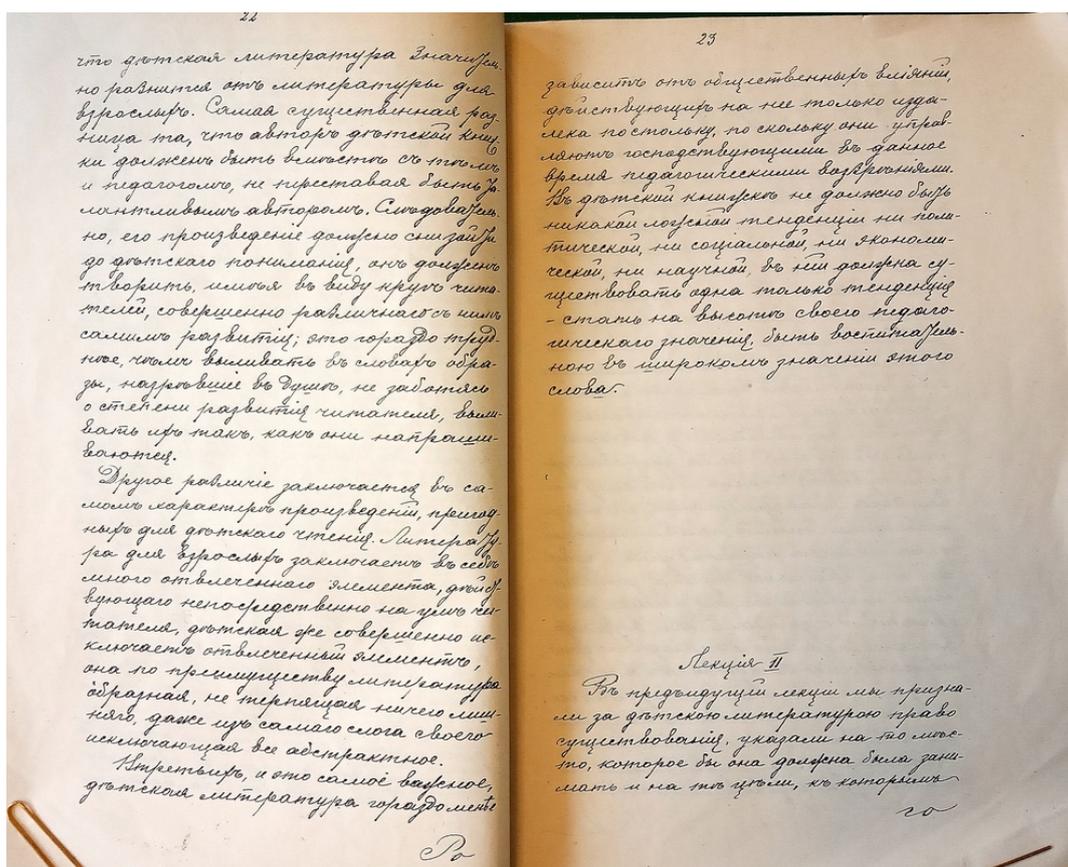

Рис. 4. Фрагмент из рукописного сборника О. И. Роговой «Лекции по детской литературе» (СПб., Литография Воронкова, 1889)

ствием на чувство чести и стыда, суровость в обхождении — ласкою, терпимостью и кротостью. Вместе с потребностью воспитывать явилась и потребность ограничить круг детского чтения такими произведениями, которые влияли бы на ребенка в духе всей воспитательной системы. Здесь мы должны искать начала того тенденциозно-нравственного дидактического направления, которое существует еще и по настоящее время в детской литературе; в тот же период это направление вполне подчиняло себе детские книжки и служило главным звеном того материала, который предназначался для детского чтения. Направление это сказывается с полною силою в сказках-нравоучениях, написанных Императрицею Екатериною для своих внуков. Сказка о «Царевиче-Хлоре» сыне древнего киевского князя, похищенном киргизским ханом, представляет собою целую аллегорию о добродетели и разуме, с помощью которых только и можно достигнуть счастья. Сказка о «Февее-Красном Солнышке» точно так же аллегорически рисует нам прелести и достоинства разумного физического и нравствен-

ного воспитания. Кроме этих сказок, Императрица написала еще «Сборник российских пословиц», и «Гражданское начальное учение»⁹. Пословицы подобраны по известному плану, соответствующему правилам воспитания; гражданское же учение тоже включает в себе правила, из них некоторые взяты прямо из «Наказа». Но легче было писать правила и инструкции, чем найти исполнителей этих правил; на это указывает и Бецкой в упомянутых выше сочинениях: он предлагает воспитывать и учителей, и даже прислугу, чтобы они подходили к характеру новоустроенных заведений и не портили своим влиянием воспитываемых детей.

В последующую затем эпоху стали появляться уже сочинения, предназначенные для ознакомления юношества с природою, например, «Детский музей»¹⁰, многотомная естественная история для детей, изложенная на трех языках, со множеством раскрашенных таблиц (1815–1822), «Бюффон для юношества» (1814)¹¹, переделка с французского, сочинения Бурьянова¹², «Прогулка с детьми по России»¹³, «Беседы с детьми о сельском хозяйстве, мануфактуре»¹⁴ и т. д., «Прогулка с детьми по Петербургу»¹⁵. Это начатки того реального направления, которое развилось на основах разумных идей умственного и нравственного воспитания, положенных при Екатерине. Деятельность Новикова и Шварца¹⁶, современников Екатерины, принесла свои плоды. Один из слушателей Шварца говорит: «Главное и для тогдашнего времени поразительное явление было то, с какою силою простое слово профессора исторгло из рук многих соблазнительные и безбожные книги, в которых, казалось, тогда весь ум заключался». Шварц учредил «Собрание университетских питомцев» (1781 г.). В этом собрании молодые люди читали свои собственные литературные опыты, помещавшиеся в журналах, издававшихся с благотворительною целью. Кроме того, в 1782 году на деньги, пожертвованные Татищевым¹⁷, Шварц открыл при университете филологическую семинарию для переводов на русский язык лучших авторов и нравоучительных сочинений. Таким образом, юношество стало читать журналы и сочинения, предназначенные исключительно для детского чтения. Но эти первые журналы и детские книжки представляли еще для детского ума и сердца весьма скудный материал; так, например, в упомянутом уже нами журнале «Детский собеседник» большая часть статей, сообщающих полезные сведения, ведется в виде диалогов между воспитателями и детьми; в форме же диалогов приводятся примеры нравственной добродетели; грамматика тоже преподносилась в виде разговора, долженствующего казаться занимательным.

К этому материалу присоединяются переводы нравоучительных изданий с французского и немецкого, например: «Новые разговоры мертвых» также повести и басни Фенелона (Перевод И. Остолопова, 1768 г.), «Диалоги древних исторических личностей с целью поучения нравственности» («Библиотека для юношества»), «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа» (переведены Сергеем Волчковым в 1810 г.), «Детская библиотека или Собрание детских повестей, басен, разговоров и сказочек, в стихах и прозе, Кампе» (перевод И. Заикина 1820 г.). Все эти книги представляют высшую степень того, что мы видим теперь в нравоучительных детских повестях, перенесенных к нам с запада, с тою только разницею, что нравоучения, поучения и наставления являются в более открытой, не задрапированной форме. Тем не менее, уже и в эту эпоху мы видим стремление к более осмысленному чтению: во второй половине XVIII и в первой половине XIX века есть уже сборники басен, например, басни Измайлова, Хемницера; есть попытки олицетворить нравоучение в лицах детей, совершающих добрые или злые поступки; есть и детские повести, довольно талантливо рисующие быт того времени, как та повесть, о которой мы упоминали («Большой свет в уменьшенном виде»), это уже переход к следующей эпохе, к той эпохе, когда реализм натуралистической школы из Европы достиг и до нас, когда эти два направления: сентиментально-романтическое и реальное смешались и создали целую эпоху в детской литературе. Эпоха эта, как предшествующая настоящей, особенно интересна для нас, так как в ней есть задатки и недостатков и достоинств нашей теперешней детской литературы, в ней зачатки иностранных влияний, дающих себя еще чувствовать и в настоящем периоде; в ней начало тех взглядов и направлений, которым подчиняемся в данную минуту и мы. Этою эпохою мы займемся в следу[щу]ю лекцию и остановимся на главнейших ее представителях: Чистякове, Дале, Одоевском, Ростовской, Ишимовой.

Лекция VIII

Реформы Петра Великого и Екатерины внесли в русскую жизнь идеи о воспитании юношества, как о лучшем средстве воплотить реформы в жизнь. В следующий затем период, как всегда бывает в эпохи наносной, чужестранной образованности, все хватились не за свой родной материал, не за родное творчество, а за то же пришлое, чужое. Только что народившаяся детская литература, стре-

мившаяся воспитывая и поучать, принявшая со времен Новикова и Шварца определенное дидактически-нравственное направление, литература эта сразу наводнилась множеством иностранных переводов и переделок. Всего популярнее были в то время рассказы Бульи, Беркена, Кампе, Гофмана. Многие из этих книжек издавались одновременно с иностранным и русским текстами, для упражнения в языках, например, повести Бульи в переводе Сомова (1826), изданные для того времени очень опрятно, с недурными раскрашенными картинками. Это уже было значительным и быстрым шагом вперед; от лубочных картин с безграмотным текстом далеко не детского содержания, детская литература прямо шагнула к повестям, написанным недюжинным талантом, приноровленным к детскому пониманию. Но с другой стороны, чуждый нам народный дух, выложенная элегантно, невозмутимая добродетель, страсть к поучениям были такою же ложью и ходульностью, как и все воспитание эпохи тридцатых годов. Дети читали «Бюст Генриха четвертого», «Военное приветствие», «Хижину пастуха», «Отплату», — и все эти принцы и принцессы крови, совершающие добродетельные поступки где-то там, во Франции, вся эта чуждая обстановка, с французскими инвалидами, нищими, савоярами, католическими патерами и монахинями отпечатлевалась в детском уме как красивый, пестрый, но далеко не близкий их сердцу калейдоскоп. Рядом с этой чужестранною добродетелью, прививаемую и на французском и на русском языках («Contes a ma fille», 1813), читались немецкие рассказы с барашками, овечками, кошечками, собачками, добрыми мамашами и строгими папашами со всею бюргерски-счастливою и самодовольною немецкою семейственностью, которая так же мало могла привиться к нашему русскому ребенку, как и патриотически горячий героизм французов.

Эта иностранная литература пустила у нас тем не менее глубокие корни; влияние ее сказалось и в последующие эпохи, когда лучшие педагоги сознали необходимость воспитания русских детей на отечественной литературе; оно чувствуется еще и поныне во множестве иностранных переводов и переделок, издаваемых в гораздо большем количестве, чем оригинально-русские детские книжки.

Собственно-русское, национально-народное движение в детской литературе является в конце тридцатых и в начале сороковых годов, то есть в эпоху подъема народного духа, когда русские, в виду недавно пережитого и испытанного, сознали в себе собственные могучие силы. Это особенно отразилось на детских журналах того времени. «Библиотека для воспитания»¹⁸ (гг. 1844, 1845 и 1846)

дает уже много чисто русского материала. «В выборе, — говорит издатель в предисловии, — нас вообще будет руководить возможная правильность стиха, соединенная с предметом и выражением, которое, если и не соответствует вполне обыкновенному уровню понятий ребенка, то и не противоречит ему. Не те произведения хороши для детей, которые писаны для них, но те, которые при всей глубине поэтического созерцания, вместе так поэтически просты и так стройно вылились из гармонически настроенной души, что одинаково доступны и зрелому возрасту, и безыскусственному понятию ребенка. Ибо не то только понимается, что понимается логически, но и то, что человек принимает в простоте, но в глубину души, как зародыш или новую пищу внутренней жизни». Цель издателя — дать пищу и руководителя для пробуждающейся деятельности души и мысли, оживить для учащегося школьную, для него мертвую, науку, чтобы среди географических названий и чисел, школьных разделений, глухо звучащих имен исторических деятелей и народов перед ним мелькала хотя изредка живая картина той или другой земли, стройный образ великого мужа, или славной години того или другого народа; чтобы измлада он мог привязать свое благородное, еще ничем не искаженное сочувствие к предметам достойным его и прежде всего к великому, святому достоянию своего отечества, его высокой судьбе и назначенью, к великим годинам его прошедшего, и его сподвижникам за веру и родину». В «Библиотеке для воспитания», задававшейся такими широкими целями, большое место было отведено русским поэтам: Венедиктову, Лермонтову, Баратынскому, Языкову, Дельвигу; в издании 1846 г. юношество знакомится с русскими народными песнями; есть рассказы из русской истории: Федор Иоаннович, царствование Ивана Васильевича, История города Москвы, Мстислав Ростиславович, Кремлевские соборы. Правда, что этот чисто русский материал тонет еще в пространных пересказах Троянской войны, переделках Диккенса («Светлое воскресенье»), сообщениях о Иоанне Д'Арк, Скандинавии, Плинии, Рафаэле, Фукидиде, Калифах, Мусульманах и т. п.; но даже и эти сообщения носят уже характер более русский, за них говорят имена их авторов: Грановского¹⁹, Редкина²⁰, Зонтаг²¹.

Реальное направление, прорывающееся сквозь сентиментально-романический характер предыдущей эпохи, сказывается и в «Журнале для чтения военно-учебных заведений» (1836, 1837 и 1838 гг.)²². В нем тоже порядочное место отведено изящной отечественной литературе, произведениям Батюшкова, Дмитриева,

Крылова, Пушкина, Измайлова, Лермонтова. В прозе преобладает исторический материал, изложенный, правда, сухо, незанимательно, слишком серьезно, но все-таки показывающий стремление знакомить юношество с событиями и личностями отечественной истории. Иногда, впрочем, попадаются здесь отрывки из исторических романов Кукольника, Загоскина, Лажечникова. Эти отрывки, как оазисы в пустыне, указывают на то, чем должны бы быть исторические повествования для юношества. К этой эпохе надо отнести и стремление знакомить детей с народным творчеством; стремление, правда, слабое, ограничивающееся кое-какими сказками и песнями, тем не менее оно в течение всего последующего периода год от году крепнет и растет, наряду с другими направлениями в детской литературе. В этом отношении первое место занимают сказки Даля (Казака Луганского), сказки, написанные талантливо, живо, записанные прямо из уст народа и переданные со всеми местными особенностями. Сказки Луганского впоследствии многими переделывались и перекраивались, но эти переделки не могут сравниться с самим оригиналом. Его «Емеля дурачок», «Лиса Патрикеевна», «Статьи из сельского чтения», «Сказка о Строевой дочери» еще и теперь стоят выше многого, написанного для детей гораздо позднее. Рассказы и сказки Даля вошли во многие сборники в переделанном, сокращенном или оригинальном своем виде; некоторые анекдоты «Что знаешь, о том не спрашивай», «Собака, что лаешь?», «Хитрая лиса» стали так популярны, что их происхождение вполне забылось; но в то время, когда эти прекрасные безделки появились впервые между многим переводным хламом и бесцветными рассказами сентиментальной окраски, они внесли с собою в детскую литературу новый элемент, оживили и отрезвили ее.

К этому же периоду следует отнести и вечно юного «Конька-Горбунка» Ершова, дожившего и до нашего времени. Иван, едущий за кольцом на океан, чудо-юдо рыба-кит, царь-девица, сивка-бурка, вечная каурка, все это такие чисто-русские, родные образы народной сказки, что они не могут не проситься в душу русского ребенка, не могут не прельщать его своею доступною образностью. Но если народное творчество в пересказах талантливых писателей оставалось на объективной, эпической почве, то детской беллетристике в лице ее немногих представителей сороковых годов далеко было до объективизма и реальности. Мы уже упоминали в одной из лекций о рассказах «Дедушки Иринья», князя Одоевского²³. Рассказы эти написаны по образцу тех же французских сентиментально-поучительных повестей, в них тоже добродетель торжествует, порок

наказуется, тоже читается мораль при удобных и неудобных случаях, но сквозь эту навеянную внешнюю оболочку уже просвечивает чисто-русский, здоровый крепкий талант, умеющий задеть за живое сердечную струнку, добродушный, подчас беспечный, но всегда остроумный юмор, желание облекать мысль в образы, соответствующие действительности, а не шаблонные. Кому не знакомы: «Городок в табакерке», «Червячок» и «Гнедко» дедушки Иринея? Белинский говорит о нем: «этот добрый старичок такой мастер говорить с детьми, каких немного и не у нас одних», «мы уверены, что дети будут в восторге от этих сказочек, которых сюжеты так ловко приноровлены к детской фантазии, рассказ так увлекателен, а язык так правилен и так похож на то, которым говорят грамотные люди».

Другие две писательницы этого периода, Мария Ростовская²⁴ и Ишимова²⁵ тоже страдают всеми недостатками переходной эпохи. Ишимова, известная своею «Русскою историею, рассказанною детям» несколько лет подряд издавала журнал «Звездочка» для двух возрастов, старшего и младшего. Несмотря на множество сентиментальностей, на подлаживание под вкусы публики, в виде модных прибавлений, статей на французском языке, английских стишков, поздравительных стихотворений и тому подобных несообразностей, в журнале этом (1842–61 гг.) видно много и нового, навеянного нарождавшимся в течение двадцати лет стремлением развивать детей на знакомстве с природою, на реальном знании, ввести их в окружающий мир, познакомить не только с обыденною обстановкою, но и со всем Божьим миром, со Вселенною во всех ее проявлениях. Стремление это проявилось с такою силою, что увлекло за собою все и вся. Детей стали поучать так же, как их прежде нравовали, поучать и в статьях научно-делового характера, и в популяризациях, и в повестях с фабулою, пришитою на живую нитку к тем же популяризованным знаниям, и даже в стихотворениях. Появились переделки «Робинзона», переводы Купера и Майн-Рида и многочисленные подражания им.

Если прежде детям совсем нечего было читать, то теперь им преподносилось столько материала для чтения, что с ним невозможно было справиться в течении всей человеческой жизни; популяризовались и история, и география в виде отчизноведения, и естественные науки в виде бесчисленных описаний животных, растений, насекомых, химических и физических явлений и тому подобного. На рубеже этой эпохи и стоят такие детские писатели, как Ростовская и Ишимова.

С одной стороны они не могут отрешиться от сентиментальности, ходульности, чрезмерной добродетельности своих героев и героинь, с другой стороны они уже чувствуют, что требуется более реальная подкладка, более трезвый взгляд, более верное изображение жизни. «Сельцо Лебяжье» — лучшее произведение Ростовской, изображает сельскую жизнь и крестьян помещичьей эпохи в довольно розовом свете, все у нее добрые, хорошие люди: и помещик, заботящийся о своих крестьянах, как любящий отец, и дети его благонравные, тихие, уступчивые, хотя немного слишком уже недалекие, и крестьяне, всегда готовые услужить друг другу, кроткие, добродушные, незлобивые. Вся эта идиллия, в общем, мало правдоподобна, но сквозь нее проглядывают уже настоящие типы, живые люди, у каждого есть уже некоторая физиономия, это не шаблоны с подписями нравоучительного характера, это снимки с настоящей жизни, хотя и подкрашенные в значительной степени по произволу автора. Тоже можно сказать и о других, второстепенных рассказах Ростовской: «Пони», «Жучка», «Дробинка», «Болото», «Честность», «Кривулек», «Два живописца». В повести «Пони», например, тоже все добродетельны до тошноты: и оба итальянца, формовщик и шарманщик, и княжна, платящая шарманщику за его сеансы двадцать пять рублей, и отец ее, дающий возможность обоим итальянцам возвратиться на родину, подарив им каждому по двести пятидесяти рублей на дорогу, и даже русские мужички извозчики, встречающиеся итальянцу на пути его в Петербург и кормящие его бесплатным ужином. Но несмотря на эти недостатки, навеянные эпохой, Ростовская — талант выдающийся, и ее повести были украшением другого журнала «Подснежник», выходившего в пятидесятых, шестидесятых годах (1858–1861 гг.). В этом журнале уже множество статей, сообщающих полезные знания: тут и нравы древних германцев, и Египет, и древние греки, и негры, и обожатели огня, и Гете, и кафедральный собор в Кёльне, и переделка Габриэля Ферри²⁶ «Плавучий остров», и статьи естественно-исторического содержания. Общий недостаток этих статей — отсутствие художественности и компилятивность: это статьи, написанные не под влиянием вдохновения, а по надуманному шаблону; следовательно, они страдают все теми же недостатками, какие замечаются теперь через тридцать лет в подобных статьях.

Говоря о реально-научном направлении, внесенном в детскую литературу, нельзя не упомянуть о двух книгах для чтения, сделавших в свое время эпоху. Это «Мир Божий» Разина²⁷ и «Детский мир» Ушинского²⁸. Разин как популяризатор научных знаний для

детей обладает замечательным талантом. Его «Мир Божий» в некотором роде законченный цикл знаний, дающий довольно полное представление о природе в ее различных проявлениях. Из каждого класса животных взято по одному или по несколько представителей, так же поступлено и с растениями, затем даны некоторые понятия о земных слоях и об устройстве земного шара. Далее земля рассматривается как небесное тело и описываются при этом луна, солнце, планеты, кометы и звезды. Потом говорится об органах чувств, о тех силах природы, с которыми человеку приходится бороться: описывается тепло и холод, облака и гроза, барометр и громоотводы и т. д. Потом даны исторические сведения, в которых на первом плане стоит русская история. Наконец описаны необходимейшие производства и даны понятия об архитектуре, живописи, скульптуре, поэзии и музыке. Разин не написал ничего лучше «Мира Божия». Его многочисленные рассказы из естественной истории зачастую и длинны, и бессодержательны, и полны ненужных риторических излишаний; но в «Мире Божием» все на своем месте, в меру, все изложено просто и удобно, особенно первая половина книги.

«Детский мир» гораздо слабее «Мира Божьего», хотя как классная книга для чтения он пережил произведение Разина. Но в «Детском мире» слишком все тяжеловесно, перепутано, не приведено в стройное целое, зачастую даже туманно изложено. «Детский мир» особенно рельефно показывает направление того времени, желание напичкать детей знаниями, не заботясь о том, насколько они способны переварить и усвоить эти знания. Статьи по естественной истории зачастую изложены сухо и незанимательно, а между тем они составляют один из главных отделов книги, так как хрестоматия состоит из немногих страниц и придана к книге только для порядку.

Талантливее и известнее всех предыдущих детских писателей и писательниц М. Б. Чистяков²⁹. Он держался в детской литературе целых полстолетия, да и теперь еще есть его рассказы, живущие среди детей наряду с «Робинзоном» и «Гулливером». Чистяков написал множество исторических, географических, этнографических, естественно-исторических статей. Он издавал долгое время «Журнал для детей»³⁰, в свое время сделавший эпоху в детской литературе. Журнал этот вполне служит выражением эпохи шестидесятых годов, эпохи стремившейся развивать, развивать и развивать. Детей развивали и научным материалом, и образовательными играми, и чтением, и это чтение тоже главным образом стремилось сообщить юным читателям побольше знания, не заботясь о том,

чтобы оно переварилось и усвоилось; это уже предполагалось само собою. В «Журнале» Чистякова участвовали лучшие компилятивные силы того времени, особенно деятельным сотрудником был Разин; тут помещались его «Путешествия по разным странам Мира», «Открытие Америки», «Исторические рассказы и биографии», «Рассказы о природе и ее явлениях», «Повести и рассказы», вышедшие все потом отдельными книжками. В самом духе повестей в эту эпоху сказывается тоже реальное направление, овладевшее вообще всею литературою того времени: на сцену выводятся уже не морализирующее манекены, а живые люди, с достоинствами и недостатками. Тем не менее несмотря на реальность направления, сентиментализм и дидактический тон настолько еще преобладали во всех сочинениях Чистякова, что даже лучшие из них не лишены этих недостатков: Рассказы для маленьких детей («Бабочка», «Курица», «История двух собак»), все носят на себе отпечаток деланной сентиментальности, во всех есть сентенции, мораль, стремление поучать. Вот, напр., окончание рассказа «Дитя просыпается» в сборнике «Дитя»: «Доброе дитя, которое и во сне не забывает про бедных! Счастливое дитя, которое в состоянии помогать им наяву!» В другом рассказе тростник говорит: «Когда я был еще маленьким, меня кто-то расщепил и изрезал; я не завял, но раны мои не зажили, и у меня нет другого голоса, кроме стога. Я не ропщу, когда другие веселятся; пусть же и другие не ропщут, когда я тоскую» («Печальный звук»).

Те повести Чистякова, в которых фигурируют иноплеменные личности или личности отдаленной исторической эпохи страдают крупным недостатком — отсутствие колоритности. Примениться к эпохе и уловить ее отличительные черты, создать типы с местною окраскою, внести этнографически бытовой элемент в художественное произведение — на это у писателей переходной эпохи не хватало звания; у них не было и достаточно выдержки, да этого тогда и не требовалось еще для детской книжки. Лишь бы действие было перенесено в какую-нибудь заманчиво-жаркую страну, изобилующую дарами природы, лишь бы в общих чертах не выходя из пределов знания, сообщаемого учебниками, были поименованы два, три дерева, столько же животных и насекомых, находящихся в этом блаженном уголке, лишь бы глава начиналась описанием жаркого полудня или теплой южной ночи, а кончалась эффектною сценою где-нибудь в тропическом лесу — а затем уже для самой фабулы не требовалось особенных бытовых и этнографических черт; герои и героини повести могли быть индейцами, древними русски-

ми князьями, крестьянами — они неизменно сентиментальничали, проливали слезы, отличались добродетельными порывами сердца, произносили излияния дружбы, совершенно так же, как это делали бы завзятые европейцы. Но помимо всех этих излияний, кажущихся нам, избалованным более трезвым взглядами, странными и натянутыми, все-таки уже в самом направлении, какое приняли научно-описательные статьи в детской литературе, замечается значительный шаг вперед: статьи эти стремятся сообщить детям занимательный факты, стараются заинтересовать их знанием, стараются придать сухому материалу литературно-изысканную форму. В этом отношении, конечно, замечается тоже не мало промахов у Чистякова: желая сделать науку интересною, он сообщает часто анекдотические факты, вроде анекдота о калифе, послушавшем свою жену и заплатившим за это много денег, в оправдание пословицы: «кто слушается жены, тот платит вдесятеро дороже того, что стоит вещь» («Алеппо»); или рассказа о великодушном атамане разбойников («Путешествие по Тибету»), побратавшегося со своим врагом, Тибетцем, да еще наградившего его саблею. Научные факты тоже зачастую страдают неточностью, неясностью изложения, водянистостью; тем не менее во всех этих статьях просвечивает любовь к детям, желание подойти к ним поближе, сродниться с ними, стать их другом.

К этой же эпохе следует отнести и еще одну писательницу, скончавшуюся недавно и отличавшуюся несомненным талантом и умением писать для детей: это С. М. Макарова³¹, бывший редактор журнала «Задушевное слово». Она, как женщина сороковых годов, тоже отдала дань своему времени относительно сентиментальности, недостаточной рельефности и исторической правды в своих произведениях. В ее исторических рассказах древнерусской и новейшей истории «Братья враги», «Волховец» и «Палиста», «Ефанда», «Красное Солнышко», «Прекраса», «Суэта-Сует», «Грозная туча» мало исторической правды, много надуманного, сентиментального, самая фабула часто и растянута, и не достаточно интересна. Но в них уже проглядывает желание сделать исторический рассказ изящно литературным произведением, есть действие, завязка и развязка, в повестях же ее, особенно для младшего возраста, проглядывает теплое чувство, наблюдательность, знание детской жизни. Как переводчица и компилятор, Макарова тоже дала несколько книжек, например, рассказы Майн-Рида («Отважная охотница»); легкость слога и умение компилировать делают ее книжки очень симпатичными.

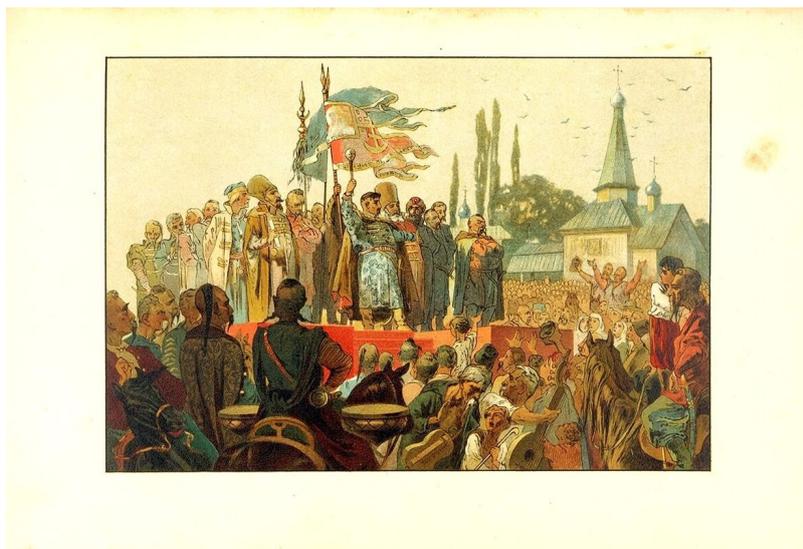

Рис. 5. Иллюстрация М. О. Микешина к повести О. И. Роговой «Богдан Хмельницкий» (СПб., Издательство А. Ф. Девриена, 1888)

В беглом очерке мы не могли дать подробного обзора произведений характеризующих авторов, но старались наметить только главные выдающиеся черты рассматриваемой эпохи (Рис. 5). Направление реальное, стремящееся подготовить ребенка к жизни, рисующее жизнь в обыденном, не в преувеличенном свете без шаблонной морали, появилось в конце шестидесятых годов, рядом с произведениями указанных нами авторов, но оно выросло и окрепло гораздо позднее. В этот же период появилось и тяготение к английской литературе, причем детям давались с одной стороны целиком переведенные английские рассказы или переделки их на русский лад, с другой — компиляции лучших авторов, преимущественно Шекспира, Диккенса, Теккерея. Эта страсть к иноземному так одолела воспитателей, что они наводнили детскую литературу английскими произведениями: дети знакомились с Давидом Копперфильдом, Крошкой Доррид, Шейлоком, «Сном в летнюю ночь» гораздо ранее и основательнее, чем с произведениями своих родных авторов.

Итак, с одной стороны сентиментализм и желание поучать посредством нравственных сентенций, с другой — чуждая нам иностранная литература, зачастую еще кое-как, на живую нитку, скомпилированная; наконец чрезмерное стремление знакомить детей с научными знаниями при помощи чтения и при этом часто неудачные, неточные, неверные в научном отношении компиляции — вот те недостатки, которыми страдала предыдущая нам эпоха и которые мы унаследовали от нее, всосали в плоть и кровь. Если ко всему

этому прибавить увлечение Майн-Ридом и Америкой, появившееся тоже в 40-х-50-х годах и охватившее собою нашу детскую литературу в такой степени, что еще и до сих пор мы во имя традиции не можем отказаться от них, то нам станет ясно, как трудно современному детскому писателю стать на настоящую, истинно-реальную точку зрения и отрешиться от наследия предшествующих поколений. Современный детский писатель необходимо, вследствие преемственности, впадает то в ту, то в другую из описанных нами крайностей, если же он еще при этом не обладает достаточною долею талантливости, то ему уже совсем трудно встать на самостоятельную почву.

Публикацию подготовили А. Димьяненко, И. Сергиенко

Примечания

- ¹ Дата смерти указана по информации сайта Geni.com. URL: <https://www.geni.com/people/> (дата обращения 15.04.2019). Здесь и далее все сноски и примечания принадлежат публикаторам материала.
- ² Источник: Рогова О. И. Лекции по детской литературе (VII и VIII) // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1890. Март. С. 251–271.
- ³ Зрелище природы и художеств. Ч. 1–10. СПб.: Ижд. Имп. Акад. наук [Тип. Имп. Акад. Наук], 1784–1789. — образовательная книга компилятивно-энциклопедического характера.
- ⁴ Мармонтель Жан-Франсуа (1723–1799) — французский философ, поэт и драматург. Его пьесы, отличающиеся пышной риторикой и избыточные сентиментальными клише, были очень популярны в конце XVIII — нач. XIX вв.; Мейснер Август Готлиб (1753–1807) — немецкий писатель и педагог, один из первых авторов криминального жанра; Гесснер Соломон (1730–1788) — швейцарский поэт и художник, писавший на немецком языке, известный своими стихами в жанре буколики.
- ⁵ Soirées (фр.) — здесь в значении «вечера, вечеринки».
- ⁶ Подшивалов Василий Сергеевич (1765–1813) — писатель, переводчик, литературный критик и педагог. Сотрудничал в журнале Н. И. Новикова «Детское чтения для сердца разума», единомышленник Н. М. Карамзина, позже издавал ряд журналов сентименталистского направления; Тимковский Иван Федорович (1778–1808) — переводчик, опубликовавший в 1802–1803 гг. «Полное собрание сочинений Гесснера».
- ⁷ «Наказ» Екатерины — текст, ставленный Екатериной II в 1764 г., где формулировались основные принципы политической и правовой системы эпохи просвещенного абсолютизма. Основан на фрагментах трудов Ш. Монтескье и Ч. Беккариа, а также на компиляции материалов из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

- ⁸ Бецкой И. И. (1704–1795) — российский просветитель, екатерининский вельможа, один из идеологов и организаторов образовательной и воспитательной реформы. Основные направления этой реформы были изложены им в докладе «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоого пола» (1764).
- ⁹ «Выборные российские пословицы» (1783) и «Гражданское начальное учение» (1781) — учебники для начальной народной школы, написанные Екатериной II.
- ¹⁰ Детский музей, или Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежд разных народов, древностей и других предметов, служащих для наставления и забавы юношества, составленное и гравированное по лучшим образцам, с кратким изъяснением, соответственным понятию детей. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1815–1829.
- ¹¹ Бюффон для юношества, или Сокращенная история трех царств природы, сочиненная Петром Бланшардом (1772–1856), для молодых людей обоого пола и для желающих иметь понятие о естественной истории; с приложением многих гравированных картин, переведена с француз. третьего издания, исправленного и умноженного. М.: В тип. С. Селивановскаго, 1814.
- ¹² Бурьянов Виктор — псевдоним детского писателя Бурнашева Владимира Петровича (1810–1888)
- ¹³ Бурнашев В. П. Прогулка с детьми по России / Соч. Виктора Бурьянова [псевд.]. 2-е изд., испр. и умнож. Ч. 1–4. СПб: Тип. Имп. Рос. акад., 1837.
- ¹⁴ Бурнашев В. П. Беседы с детьми о хозяйстве: домашнем, сельском, мануфактурном и о торговле / Соч. Виктора Бурьянова [псевд.]. СПб: Тип. Н. Греча, 1837.
- ¹⁵ Бурнашев В. П. Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям. Ч. 1–3 / Соч. Виктора Бурьянова [псевд.]. СПб: В тип. Главного Управления путей сообщения и публичных зданий, 1838.
- ¹⁶ Шварц Иван Егорович (1751–1784) — российский педагог и просветитель, профессор Московского университета, сподвижник Н. И. Новикова, масон.
- ¹⁷ Татищев Петр Алексеевич (1730–1810) — просветитель, масон, член литературного кружка Н. И. Новикова.
- ¹⁸ «Библиотека для чтения» — ежемесячный детский литературный журнал, издавался в Москве в 1843–1846, инициаторами издания были П. Г. Редкин и Д. А. Валуев.
- ¹⁹ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) — историк-медиевист, профессор Московского университета, идейный лидер западников, активный участник полемики со славянофилами, критик теории официальной народности.
- ²⁰ Редкин Пётр Григорьевич (1808–1891) — юрист, философ, педагог. Член Государственного совета, действительный тайный советник.

- Популяризатор сочинений прогрессивных европейских педагогов (И. Г. Песталоцци, А. Дистервег, Ф. Фрёбель и др), учитель и друг К. Д. Ушинского.
- 21 Зонтаг Анна Петровна (1785–1864) — одна из самых известных детских писательниц первой половины XIX в., переводчица.
 - 22 «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (1836–1865) — специализированный литературно-исторический журнал, издавался Главным управлением военно-учебного ведомства с 1836 по 1864 г. и распространялся по военным училищам. Автор идеи и главный редактор Я. И. Ростовцев. В 1865 г. вместо него не стал выходить «Педагогический сборник».
 - 23 Одоевский Владимир Фёдорович (1804–1869) — писатель, издатель, журналист, составитель одного из первых учебников для обучения чтению «Рассказы о Боге, человеке и природе: Чтение для детей дома и в школе» (1849).
 - 24 Ростовская Мария Фёдоровна (1815–1872) — детская писательница, переводчица, ученица А. О. Ишимовой, главный редактор детских журналов «Подснежник» (1858–1862) и «Семейные вечера» (1864–1892).
 - 25 Ишимова Александра Осиповна (1804–1881) — детская писательница, переводчица, издатель ежемесячных детских журналов «Звёздочка» (1842–1863) и «Лучи» (1850–1860).
 - 26 Ферри Габриель (1809–1852) — французский писатель, автор приключенческих романов для юношества о Латинской Америке. Впервые на русском языке отдельным изданием роман «Лесной бродяга» вышел в 1852 г., куда вошли и ранее опубликованные части в журнале «Подснежник».
 - 27 Разин А. Е. Мир Божий: Руководство по русскому языку для приготовительных классов, составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений Высоч. утв. 24 дек. 1848 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. (С 1857 по 1883 гг. — 3 изд.).
 - 28 Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия: Для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы. С таблицей рисунков (Назначается для детей от 8-ми до 12 лет). СПб.: В тип. т-ва «Общественная польза», 1861. (С 1861 по 1915 гг. — 47 изд.).
 - 29 Чистяков Михаил Борисович (1809–1885) — педагог, детский писатель, издатель и редактор «Журнала для детей» (1851–1860).
 - 30 «Журнал для детей» — иллюстрированный еженедельник, издавался в Петербурге в 1851–1865 гг. под редакцией М. Б. Чистякова, соиздателем до 1856 года был А. Е. Разин.
 - 31 Макарова Софья Марковна (1834–1887) — учительница, детская писательница, с 1878 по 1887 г. редактор одного из самых популярных до революции журналов для детей «Задуманное слово» (1876–1918).